

АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ

КОДЕКС
ГРАЖДАНИНА
ТРЕУШНИКОВА

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГІОРІОДІЄШІ

Андрей Геласимов

Кодекс гражданина Треушникова

Издательский дом «Городец»

2023

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Геласимов А. В.

Кодекс гражданина Треушникова / А. В. Геласимов —
Издательский дом «Городец», 2023

ISBN 978-5-907641-14-3

Книга «Кодекс гражданина Треушникова» отражает жизненный путь одного из самых выдающихся юристов современности. Начавшись в тихом старинном Городце на берегу Волги, путь этот привел Михаила Константиновича к вершинам академического сообщества сначала на всесоюзном, а после распада СССР – и на всероссийском уровне. Неповторимые волжские характеры, окружавшие героя в раннем детстве, политические авантюры хрущевской эпохи, полуголодное и бесконечно счастливое московское студенчество шестидесятых годов, поездки на целину, забавные и полные драматизма казусы из судебной практики, работа на юрфаке МГУ, рассказы из первых уст о том, как непросто создавался свод процессуальных норм для гражданского судопроизводства в современной России, – вот что найдет читатель в этой книге. Биография здесь соотнесена с эпохой, а эпоха – с судьбой. Мощное послевоенное поколение уходит в историю, но мы успели зафиксировать их голоса.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907641-14-3

© Геласимов А. В., 2023
© Издательский дом «Городец», 2023

Содержание

Городец. Первые такты	7
Москва. Развитие мелодии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Геласимов

Кодекс гражданина Треушникова

Советской молодежи посвящается

© А. Геласимов, 2023

© ИД «Городец», 2023

Автор выражает глубокую признательность всем своим собеседникам, которые поделились воспоминаниями о М. К. Треушникове, о времени и о себе

Ольге Федоровне Треушниковой
Антону Михайловичу Треушникову
Елизавете Михайловне Кудрявцевой (Треушниковой)
Анатолию Константиновичу Треушникову
Владимиру Михайловичу Треушникову
Ольге Васильевне Сидоренковой
Евгению Александровичу Абрамову
Льву Андреевичу Окунькову
Вячеславу Степановичу Кокореву
Надежде Георгиевне Вышняк
Екатерине Владимировне Ремизовой
Виктору Александровичу Чернышеву
Геннадию Ильичу Соломахе
Вере Макарьевне Степановой
Сергею Анатольевичу Шишкину
Владимиру Петровичу Гребняку
Дмитрию Александровичу Фурсову
Владимиру Михайловичу Шерстюку
Александрю Ивановичу Федину
Гаяне Михайловне Давидян
Ирине Валентиновне Решетниковой
Елене Васильевне Кудрявцевой

Городец. Первые такты

Эра дополненной реальности, в которой мы имеем счастье (или несчастье) проживать сейчас, началась отнюдь не с появления компьютеров и социальных сетей. Нам, конечно, в разы легче с их помощью приукрашивать свою жизнь, корректируя события фильтрами, монтажом, виртуальными объектами и ландшафтами, и у наших предшественников, разумеется, не существовало подобных технических возможностей на общедоступном уровне, однако и прежде, задолго до нас, люди дополняли свою реальность. Человеку не всегда хватает сил и ума быть благодарным за то, что у него есть, и это пробуждает в нем творческое начало. Мифотворчество напрямую связано с чувством собственной значимости, точнее – с недостаточным объемом этого ощущения.

Если бы, например, в пятнадцатом веке существовал «ВКонтакте», на официальной странице супруги Ивана III, которая долго не могла родить Великому князю сына, 25 июня 1478 года вполне мог появиться такой пост: «Ходила молиться в обитель Троицкую. Пешком. Было видение. Явился Св. Сергей с благовидным младенцем на руках, приблизился и ввергнул его в мои недра». Ну и какой-нибудь визуальный контент: гравюра со счастливой Софьей Палеолог, хештеги в духе «#мальчикирулят», «#наследникубыть», и все такое. Но «ВКонтакте» не было, а реальность очень требовалось дополнить. Из политических соображений в том числе. Поджимал рожденный в предыдущем браке Ивана III взрослый уже сын от тверской княжны. Отсюда – информация о чудесном видении, дошедшая до нас через Карамзина.

Впрочем, такого рода манипуляции с общественным сознанием практиковались в основном среди царствующих особ. По умолчанию допускалось, что с ними чудо, несмотря на очевидную свою невероятность, произойти все-таки может. Обычным людям подобная роскошь не полагалась. Их реальность оставалась реальностью – ничем не дополненной, трудной, непривлекательной. Нам было бы, наверное, не очень интересно листать их ленту. Привыкнув к чудесам наших смартфонов и неутомимости нашего тщеславия, мы, скорее всего, заскучали бы от единообразия их жизни. Без украшений, без весомой прибавки виртуального позерства она показалась бы нам неинтересной, во многом лишенной тех ориентиров, на которые мы полюбили равняться сейчас.

Однако все эти люди жили. Они трудились и любили друг друга, ненавидели, боролись, испытывали восторг, неистово верили, заблуждались и вновь находили правду. Им хватало своей недополненной реальности, и они проживали ее отнюдь не в поисках средства от депрессии, как многие из нас, а в напряженном строительстве, в повседневном возведении собственной жизни к ее конечному и единственному смыслу.

«Дуранда» – вот слово, которого я не знал до встречи с Михаилом Константиновичем Треушниковым. В дополненной реальности этого слова нет. Оно означает жмых, остатки семян масличных растений, после того как масло из них было выжато. Отходы производства, годные только на корм скоту. Сразу после войны, в 1946–1947 годах, в приволжских районах наступила большая засуха. Случился неурожай, а за ним голод, и дуранда превратилась в лакомство для людей. Михаил Константинович вспоминал, что в его родном Городце через дом от него жил мальчик Вова Шитов, чей отец трудился на местном маслозаводе. Вот он и приносил иногда пацанам черный льняной сухарь.

Я представляю этих послевоенных мальчишек, для которых голод навсегда стал самым сильным впечатлением детства, и начинаю понимать, насколько их отношение к жизни, к ее изначальной ценности отличалось от нашего. В той странной несуществующей новостной ленте сорок седьмого года я пролистываю их посты с фотографиями, вглядываюсь в лица, в приметы времени, а мальчишки смотрят в ответ, не улыбаясь, не позируя, застыв с черным сухарем в руке, и как будто ждут от меня чего-то.

В самом конце того года в СССР грянула денежная реформа. Правительство решило откорректировать последствия войны в денежном обращении, то есть, попросту говоря, провести крупную конфискацию. В народе ходили слухи, что Берия перед самой реформой тайно разместил в различных сберкассах огромную сумму, однако информация эта, вполне возможно, тоже из области дополненной реальности. Достоверно известно лишь следующее: в одиннадцать часов вечера 15 декабря отец девятилетнего Михаила Треушникова вручил ему зеленую трехрублевую купюру и сказал: «Иди, купи что-нибудь. Завтра деньги будут другие». Мальчик побежал в ночь на берег Волги, где все еще был открыт крохотный магазинчик, и приобрел на указанную сумму бутерброд с брынзой. Эту инвестицию, как и вкус того бутерброда, он помнил всю свою жизнь.

Через год в окрестности Городца пришло большое строительство. Ветры времени сошлись в единый поток и хлынули в небольшой старинный город на Волге. В 1948 году неподалеку начались подготовительные работы по сооружению Горьковской ГЭС. Со всей страны сюда устремились бюджеты, техника, люди. Население стремительно возросло. Если до войны в тихом провинциальном Городце проживало около шестнадцати тысяч человек, то на момент завершения стройки – почти в два раза больше. Был один город, стало два. Михаил Константинович вспоминал, что учился тогда в 5-м «Ж» классе. И даже не во вторую, а в третью смену. При этом народ прибывал самый разный. На окраине города, в так называемом Четвертом поселке (ныне микрорайон Северный), появилась колония, откуда заключенных возили на стройку машинами. Однако всплеск послевоенной преступности оказался связан не только с ними.

Городец лежит на холмах, разделенных множеством оврагов, и каждый такой овраг застроен домишками. Вот в этих темных проулках и стали пропадать по вечерам у людей часы – самый престижный и ходовой товар по тому времени. У кого украдут, у кого так отнимут. Грешили на приезжих, конечно, но в итоге арестовали местного паренька. Родители, соседи долго не верили в его виновность – юноша во всех смыслах был положительный. Тем не менее факты свидетельствовали против него. Получается, до поры до времени он тоже довольно ловко умел дополнить свою реальность образом хорошего доброго человека. Правда, не так долго, как ему хотелось, наверное. Впрочем, что там часы. В те годы сама жизнь человеческая стоила не слишком много. Разбой, поножовщина – чего только не случалось на наших улицах после войны.

И все-таки город стремительно развивался. Всеобщий интерес к открывающимся перспективам и потребность в кадрах для новой отрасли привели к созданию гидростроительного техникума. В 1953 году в соседнем поселке Заволжье появилось новое учебное заведение, и пятнадцатилетний подросток Михаил Треушников, только что окончивший семилетку, поехал за реку туда поступать. Быть может, он продолжал бы учиться в школе и дальше, но отец его, Константин Васильевич, в одиночку кормивший большую семью во время войны и в самые тяжелые годы после нее, твердо сказал: «Надо на стипендию».

Семья Треушниковых. В первом ряду: Константин Васильевич, Анатолий, Ирина Андреевна. Во втором ряду: Елена, Михаил. Городец. 1953 г.

Однако специалиста по гидроэлектростанциям из юноши не получилось. Добираться из Городца до Заволжья приходилось тогда на катере, и, поездив так около месяца, Михаил прислушался к старшей сестре Елене, которая была студенткой Городецкого педучилища и с самого начала предлагала поступать именно туда. Представляя курсу нового студента, Николай Михайлович Галочкин, заслуженный педагог и знаток местной истории, гостеприимно сказал о новичке: «Хотел стать капитаном, но будет учителем». Неизвестно теперь – считал он эту трансформацию поражением или, наоборот, шагом вперед, а вот сам Михаил Константинович много лет спустя прокомментирует ситуацию следующим образом: «Иногда отступление полезно». Все звуки «о» при этом он красиво, по-волжски, выделит интонацией и улыбнется.

Студенты Городецкого педучилища. Михаил Треушников крайний справа во втором ряду. Середина 1950-х гг.

Об этой его фирменной, одному ему свойственной улыбке потом будет вспоминать его однокурсница по юридическому факультету МГУ Надежда Георгиевна Вышняк. В нашей не самой улыбчивой стране, и уж тем более совсем не в улыбчивое время, склонность человека к неожиданно открытой улыбке не просто обезоруживала – она иногда ошеломяла. Особенно если это происходило в конфликтный момент. Природа щедро наделила нас умением разнообразно и энергично ответить на раздражающие факторы, однако согласимся, что улыбка – несчастный инструмент в этом арсенале. И оттого, конечно, убойный.

Городецкое педучилище, построенное некогда на пожертвования местных купцов, располагается на высоком холме в красивом солидном здании из красного кирпича. Основательностью своей напоминает резиденцию крепкого немецкого рода с давними и богатыми традициями. В пятидесятые годы прошлого столетия оно славилось далеко за пределами Городца. Абитуриенты ехали сюда со всей области и даже из других регионов. Выпускники разъезжались по школам Советского Союза, от Чукотки до Дагестана. Поступить, судя по всему, было непросто. Высокий образовательный стандарт, о котором Михаил Константинович всегда отзывался с большим уважением, сопоставляя его с методикой обучения в МГУ, неизбежно приводил к серьезному конкурсу. Специалисты, окончившие в свое время это училище, подчеркивали в разговорах со мной, что последующая учеба в пединститутах и на соответствующих факультетах университетов казалась им легкой прогулкой после четырех лет, проведенных в красном здании на холме.

Здание Городецкого педучилища. 2022 г.

Подобная эффективность и слаженная работа любого коллектива не возникают на пустом месте. Директором педучилища в Городце долгие годы являлся Дмитрий Яковлевич Хлебников, и пример всей его жизни ясно показывает, насколько важна для дела сильная и многогранная личность на руководящем посту. Боевой офицер, сражавшийся в Великую Отечественную в составе войск Западного и 3-го Белорусского фронтов, орденосец, он пользовался огромным уважением в Городце. Выдающиеся ратные заслуги и повседневный кропотливый труд в педагогике принесли ему заслуженную любовь горожан, а для студентов училища он, несомненно, был важнейшим жизненным ориентиром.

«Вам никогда не придется краснеть за нас, – сказал он однажды на встрече с молодежью города. – Мы жили и работали честно».

Хотелось бы мне, чтобы каждое поколение передавало страну и мир своим детям с этой простой и всеобъемлющей формулой.

Студенты Городецкого педучилища на зимних каникулах. Михаил Треушников крайний справа (сидит). 1957 г.

Помимо формирования жизнеполагающих векторов, Городецкое педучилище самым счастливым образом оказалось тем местом, где юный Михаил Треушников смог всецело развить свой талант и увлечение всей последующей жизни. Рассказывая мне о жизни в Городце пятидесятых годов, он вспомнил о том, как в родительском доме появилось радио. Я решил, что это воспоминание значимо для него в контексте раскрытия информационного поля, и спросил о его эмоциях в тот момент, когда он узнал о смерти Сталина, но Михаил Константинович улыбнулся и ответил, что по радио любил слушать музыку.

«Особенно Вивальди», – прищурившись, добавил он.

Именно музыки оказалось много в педагогическом училище. Подготовка учителей для начальных классов предполагала овладение разными музыкальными инструментами, и за годы обучения Треушников освоил здесь домру и скрипку. Мало того, училище славилось и своей самодеятельностью. Хор, скрипичный ансамбль с великолепными солистами, танцевальный коллектив – все это вместе заложило мощный фундамент любви к музыке на всю последующую жизнь. Каждый, кто делился со мной воспоминаниями о Михаиле Константиновиче, непременно упоминал о его музыкальности и виртуозном владении многими инструментами.

«В Городце время останавливается, и все хорошо», – сказала нам с Антоном Треушниковым продавщица в цветочном магазине, куда этим летом мы зашли перед поездкой на кладбище, чтобы поклониться могиле его отца. Наверное, она права, и места те действительно живут сейчас в каком-то зачарованном измерении, но в конце пятидесятых время там выполняло свою работу от и до. Честно отщелкивало минуты, часы, дни, недели. В 1957 году Михаил Треушников окончил педагогическое училище.

Однако свободной ставки учителя в городе не нашлось. Педагогов выпускали с избытком. И тогда Николай Иванович Маслов, руководивший в то время районным отделом народ-

ного образования, предложил новоиспеченному педагогу поработать старшим пионервожатым в школе № 7 на Четвертом поселке (сейчас это школа № 12). Место оставалось вакантным по той простой причине, что выпускники не стремились его занимать. Товарищ Дементьева, директор школы, слыла человеком сложным. Сработаться с ней молодежь не могла. Во всяком случае, так говорили в городе.

С сестрой Еленой. Городец, 1958 г.

И вот тут проявилась одна важная особенность в характере Треушникова, которая впоследствии будет во многом определять его жизненный путь. Она заключается в неочевидности выбора. Точнее, в его неочевидности для остальных. Ведь мнение социума по тому или иному вопросу, о том или ином человеке – это тоже своего рода дополненная реальность. В нашу с вами жизнь посредством СМИ, соцсетей или просто болтовни соседей во дворе интегрируется дополнительный информационный объект, и дальше наступает уже наша персональная ответственность в области взаимодействия с этим объектом. Можно принять его в свою вселенную и действовать с учетом того, что он будто бы существует, отчего многие ваши поступки и движения неизбежно станут похожи на поступки и движения большинства, уверенного в его существовании. А можно исключить его из своего мира и попробовать остаться уникальным. Таким, как задумала вас природа.

Ну, и узнать заодно цену молве.

«Дементьева – так Дементьева», – сказал тогда юный Треушников и вскоре выяснил, что на самом деле она была хорошим директором. Просто очень требовательным.

Так или иначе, они сработались. Молодому специалисту выделили кабинет, и он приступил к своим обязанностям. Впрочем, по обязанности он должен был делать гораздо меньше, чем в итоге взвалил на себя. Насколько я помню своих пионервожатых в средней школе семи-

десятих годов, они особо не напрягались. Общая линейка, стенгазета, пионерский сбор – вот, пожалуй, и вся их работа. У Треушникова дело пошло по иному сценарию. Он начал с того, что придумал занятие для пацанов на переменках. Вместо перекуров и баловства в соседнем овраге они теперь выпиливали лобзиком. Помня свое собственное увлечение в детстве этим инструментом, с уверенностью могу сказать – это был королевский ход. Работа в сочетании с творчеством плюс быстрый и предметный результат твоего труда, которым к тому же можно похвастаться перед мамой, завораживали меня настолько, что я одно время летел из школы домой как на крыльях. А здесь даже не надо ждать конца уроков – пили не хочу.

Впрочем, диссиденты все-таки обнаружили. Оппозицию возглавил старшеклассник Колька Захаров, не желавший, видимо, терять своего дворового авторитета и немедленно поставивший затею с лобзиком под сомнение. Тогда был сделан следующий ход. Начиная пионервожатый неожиданно воспользовался инструментарием оппонента. Вечерами городишская шпана собиралась на высоком берегу водохранилища, где жгла костры и предавалась прочим нехитрым занятиям, отражавшим романтические представления той поры. Вот туда, в мир трудных подростков, где любая фальшь вычисляется мгновенно и где статус школьного педагога скорее осложняет контакт, нежели придает веса, пришел старший пионервожатый Треушников. Не знаю, как реагировал на этот вызов Колька Захаров (полагаю, проблемы возникли), но вскоре, как выразился много лет спустя Михаил Константинович, «озорники стали хорошенькими».

Значит, убедил.

Сам он об этом эпизоде в своей жизни поведал мне впроброс, не останавливаясь на деталях, однако, выслушав уже не один рассказ о нем от его однокурсников по МГУ и коллег по дальнейшей юридической деятельности, могу с уверенностью судить: подобные ситуации он разрешать умел. Вера Макарьевна Степанова, принимавшая его после юрфака на работу в Москворецкий суд, вспоминает, что иногда, по требованию арестованных, ей приходилось до заседания идти к ним, чтобы выслушать очередные претензии или даже отказ от участия в суде, и всякий раз было неизвестно, чем это кончится. Подконвойные, особенно те, которые проявляли подобную активность, вели себя дерзко, выражались грубо, могли угрожать. Михаил Треушников, едва приступив к работе в суде, подошел как-то раз к начальнику конвоя и со своим характерным волжским упором на звук «о» сказал ему: «Не зови. Она больше не пойдет. Я пойду».

Понятно, что такие люди не могут не быть востребованы, поэтому в седьмой школе Городца он проработал недолго. Буквально через шесть месяцев педагогической деятельности ему предложили перейти в горком ВЛКСМ. И вот тут начинается целая сага о дополненной реальности. Дополненной отнюдь не на его частном уровне, а в историческом масштабе огромной страны. Начав рассказывать мне о переходе на идеологическую работу, Михаил Константинович неожиданно заговорил о приписках и фальшивой статистике. Я не сразу уловил, как это связано с его карьерным ростом, однако очень скоро для меня все встало на свои места.

В 1957 году на зональном совещании работников сельского хозяйства тогдашний глава государства Н. С. Хрущев произвел публичный ребрендинг давнего ленинского лозунга насчет догнать и перегнать в развитии капиталистические страны. Поскольку наступление коммунизма было обещано в 1980 году, и я хорошо помню, как в начале семидесятых сам с детским нетерпением ждал, когда в магазинах вот-вот все станет бесплатным, Хрущев на том историческом совещании потребовал создать материально-техническую базу для этого волнующего и прекрасного события. Спасибо ему, конечно, за то, что подарил детям сказку, однако отдуваться пришлось взрослым. Перед работниками сельского хозяйства была поставлена задача утроить производство мяса в стране за три года. Большинство руководителей в областях, разумеется, осознавали невыполнимость миссии, но первый секретарь Рязанского обкома почему-то повел себя как один из героев голливудской фабрики грез. Быть может, предыдущий опыт

работы в Ярославской области, которая в условиях военного времени смогла обеспечить бесперебойное снабжение фронта продовольствием, вселял в А. Н. Ларионова излишнюю и, как показало время, необоснованную уверенность, и на этот раз он заявил, что готов полностью выполнить поручение партии и правительства. На Рязань и лично на Ларионова немедленно пролилась государева благодать. За одно только свое заявление он авансом стал Героем Социалистического Труда, а Рязанская область получила орден Ленина. Не знаю, зачем он ей и на каком пиджаке она его носила, но такие авансы требовалось отработать. Дополненная реальность иногда обходится очень дорого. Чтобы дать быстрые показатели, на Рязанщине в одночасье забили весь скот, в том числе молочное стадо и производителей. Поняв, что этого не хватает, забрали под расписки всю скотину из личных хозяйств и тоже пустили под нож. Когда опять не дотянули до нужной отчетности, стали закупать в других областях, причем на деньги, которые выделялись совсем для других целей. В итоге собрали нужную цифру – превысили ежегодный показатель по сдаче мясной продукции государству в три раза. А на следующий год наступил коллапс. После массового забоя новые телята с поросятами не родились; колхозники, лишенные своего скота, отказывались выходить на работу, отчего урожай зерновых гиб на корню; новые дороги, детские сады и больницы не строились, поскольку средства на них отсутствовали; зато новоиспеченный герой отчитался о блестящей победе в сфере дополненной реальности. По его показателям выходило, что коммунизм не за горами и все будет хорошо.

Но хорошо не случилось. Авантюра себя не оправдала, Ларионов скоропостижно скончался в возрасте пятидесяти трех лет, и поговаривали о самоубийстве, а Хрущеву рязанская катастрофа аукнулась в качестве одной из причин его смещения с должности Генерального секретаря в 1964 году и последующей бесславной отставки. Мыльный пузырь – он и есть мыльный пузырь, хоть и дополняет собой реальность очень красиво.

Все эти тектонические сдвиги и завихрения в большой политике нашли свое отражение и на уровне городской партийной организации Городца. Здесь тоже одно время ставили в пример опыт рязанских товарищей, равнялись на них и ломали голову над тем, как увеличить объемы производства мяса. В итоге какая-то светлая голова додумалась выращивать в школах цыплят. Причем не в птичниках – строить их времени не было, – а просто в спортзалах. Понадобились надежные люди, знакомые со школьной спецификой и обладающие организаторскими способностями.

Вот почему Михаил Константинович заговорил о приписках и фальшивой статистике в ответ на мой вопрос об обстоятельствах его перехода из седьмой школы в горком ВЛКСМ. Он хорошо понимал предпосылки этого на первый взгляд завидного карьерного предложения. Нет смысла, наверное, говорить подробно о нелепости ситуации, когда в школьный спортзал в больших ящиках доставляют из инкубатора сотни цыплят и школьники занимаются физкультурой в условиях птичьего гвалта, смрада и очевидной неразберихи в лучших традициях эстетики Эмира Кустурицы.

В общем, карьера птицевода по партийной линии молодому горкомовцу показалась не самой привлекательной, а вселенная веселого абсурда еще не была востребована молодежью так, как сейчас. Уверен, что нынешние тиктокеры заработали бы на видеороликах и мемах про цыплят в школьных спортзалах миллионы лайков и солидные рекламные контракты. Однако в конце пятидесятых годов не все оказались готовы к настолько дополненной реальности. Обычным людям еще хватало кинематографа. Он хоть и приукрашивал жизнь, но все-таки старался держаться в рамках. К тому же перед сеансами крутили киножурналы. В моем детстве это чаще всего бывал сатирический «Фитиль» с деревянным ящиком и горящим фитилем на заставке, а во времена молодости Михаила Константиновича показывали «Новости дня». То есть к семидесятым годам двадцатого века наш социум уже активно нуждался в ироническом переосмыслении реальности, тогда как двумя десятилетиями ранее ему было достаточно наполнения информационных лакун. Телевидение еще не играло сколько-нибудь значительной роли. Оно

пока только присматривалось к обществу как к своей потенциальной добыче. До 1962 года телевизор, если таковой имелся у вас в семье, требовалось регистрировать в почтовом отделении по месту жительства, так что массовый доступ к информации осуществлялся только через газеты и радио, а за визуальным контентом, в том числе новостным, население шло в кино. Именно там Михаил Треушников увидел документальные фильмы о строительстве главного здания МГУ, услышал песню на слова Долматовского «Друзья, люблю я Ленинские горы» и решил, что ему пора расширять горизонт.

Однако за два года работы в горкоме он успел вырасти до 2-го секретаря. Его младший брат, Анатолий Константинович, учившийся тогда в школе, вспоминает, каким уважением двадцатидвухлетний Михаил пользовался в Городце. Возвращаясь домой вечером после игры в футбол, им то и дело приходилось останавливаться: многие знали его в лицо, подходили, хотели поговорить. Важные вопросы решались прямо на улице. К такому разговору мог присоединиться даже проходивший мимо 1-й секретарь горкома партии. Это отсутствие чванливости характеризует, наверное, не только безвозвратно ушедшие времена, но и особые человеческие отношения, сохранившиеся в Городце и по сей день.

«Чтобы не было нахлобучки», – окая, говорят там, когда предлагают не спешить и без суеты во всем разобраться. Похоже, само неторопливое, степенное течение Волги диктует горожанам обстоятельный подход к жизни. Все происходит небыстро, но в полном смысле – неукоснительно. И строго в избранном русле. Эта степенность и вытекающая из нее постепенность определяют уклад, мироощущение, особенности языка. Вместо слова «дача» здесь, например, говорят «сад». И покупают именно «сад», а не «дачу». Поэтому если вы из других мест, вам не сразу станет понятно, куда вас приглашают, когда зовут: «Поедем в сад, отдохнем». Но, прежде чем разобраться, вы уже успеваете уловить чеховский аромат никуда не пропавшего здесь девятнадцатого века.

Понятным также становится, откуда Максим Горький черпал незабываемые характеры для своих книг. В одном только семействе Треушниковых наберется их на полнокровный роман. Стоит сравнить хотя бы двоюродных братьев Михаила Константиновича, чтобы увидеть полноту волжского характера во всей его мощи, антиномичности и непременном желании настоять на своем. Антиномия в логике, которую, кстати сказать, Михаил Константинович всегда рассматривал в качестве одной из важнейших дисциплин, предполагает, что некоторое высказывание и его отрицание вполне могут вытекать друг из друга. Вот этого добра, насколько я понял, у природных волжан в избытке. Горькому, несомненно, повезло родиться и вырасти в тех местах. Точнее, это был лишь вопрос времени, когда на Волге появится писатель, способный ухватить и передать в человеческом характере точку внутреннего конфликта, в которой *pro* и *contra* одновременно выполняют творческую работу души.

Вид на Волгу из Городца. 2022 г.

Итак, с одной стороны, у Михаила Константиновича был двоюродный брат Михаил Иванович, чья жизнь явилась классическим примером служения людям, обществу и государству. А с другой – Валерий Георгиевич, обладавший таким же огромным потенциалом жизненных сил, но избравший для них иное применение. Два одинаково щедро одаренных Треушникова – две абсолютно разных судьбы.

Михаил Иванович пришел с войны в капитанских погонах. Демобилизовался только в сорок седьмом, пройдя до этого с ноября сорок первого всю Великую Отечественную. Воевал на Западном, 3-м Белорусском и 2-м Дальневосточном фронтах. То есть после победы в Европе поехал на Восток сражаться с японцами. Победил и там. В Городец вернулся с медалями. Десять лет проработал бухгалтером в колхозе «Красный маяк», а потом в одночасье получил завидную должность председателя в другом колхозе. Правда, в тот момент ему никто не завидовал. Хозяйство имени Куйбышева в Городецком районе висело на балансе администрации неподъемным камнем. Труд предстоял сизифов. Разруха, нехватка всего и вся, депрессивные настроения колхозников. Но, как любила говорить моя деревенская бабушка, глаза боятся – руки делают. И они сделали. Руки, растущие из правильного места, вообще способны на многое. Уже через пять лет Михаил Иванович, который все это время буквально дневал и ночевал на работе, вывел отстающий колхоз в лидеры, заметные не только по области, но и по стране. В 1966 году Президиум Верховного Совета СССР удостоил его звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина. А главное, люди в колхозе стали жить хорошо.

Его двоюродного брата Валерия Георгиевича судьба наделила не меньшими талантами. В 1954 году он окончил школу с золотой медалью, однако дальше учиться никуда не пошел. Решил, что для успеха в жизни это не обязательно. Совсем молодым уехал на целину, освоил там навыки сельского хозяйства, вернулся в Городец и приступил к исполнению своего собственного плана. В стране именно в это время бушевал хрущевский мясной бум, поэтому Валерий Георгиевич занялся мясозаготовками. Разводил в своем личном хозяйстве свиней, а

мясо сдавал государству. Причем с большим размахом. Поголовье исчислялось не одной сотней. Человек он, судя по всему, был страстный и делу отдавался целиком. Одним из первых в Городце обзавелся персональным транспортом. Получить его мог только тот, кто участвовал в госпрограмме по созданию материально-технической базы коммунизма. Такой вот странный парадокс в тогдашней идеологии. Вскоре в хозяйстве появился даже свой грузовик. Для человека по тем временам – немыслимое дело. И тут случилась беда. Умерла молодая жена. Током убило от оголенного провода в свинарнике. Это не подкосило Валерия Георгиевича под корень, не та у него порода, и свинина продолжала поступать на заготовительные пункты своим чередом, но по ночам с Городецкого кладбища стали доноситься необычные звуки.

Могу представить себе, что пережил тот человек, который, проходя ночью мимо кладбища, первым услышал оттуда печальную мелодию. Так Валерий Георгиевич изнывал свое горе. Одному на могилке ему было лучше, чем с людьми. Или не хотел расставаться. Доподлинно теперь уже никто не сможет сказать. Известно только – ходил туда по ночам, играл на аккордеоне. Иногда пел. Городецкие жители удивлялись, а потом привыкли. Со временем он уходил в себя все глубже. Начал производить тушенку и часами сидел в подвале, который забил консервами до отказа. Не знаю, было ли ему известно, что в Америке тогда из-за ядерной угрозы поветрием распространялась мода на персональные бункеры, но своим двоюродным племянникам, Антону и Илье, он повторял: «У меня тут запасов много. Запущу, если что. Выставлю перископ и буду наблюдать, как там все помирают». Его вторая жена, видимо, не очень прониклась этим апокалипсическим настроением и в итоге ушла от него с одним из наемных рабочих. Оставшись один, он однажды зимой крепко выпил, решил попариться в бане, но уснул там, не затопив, и к утру замерз насмерть.

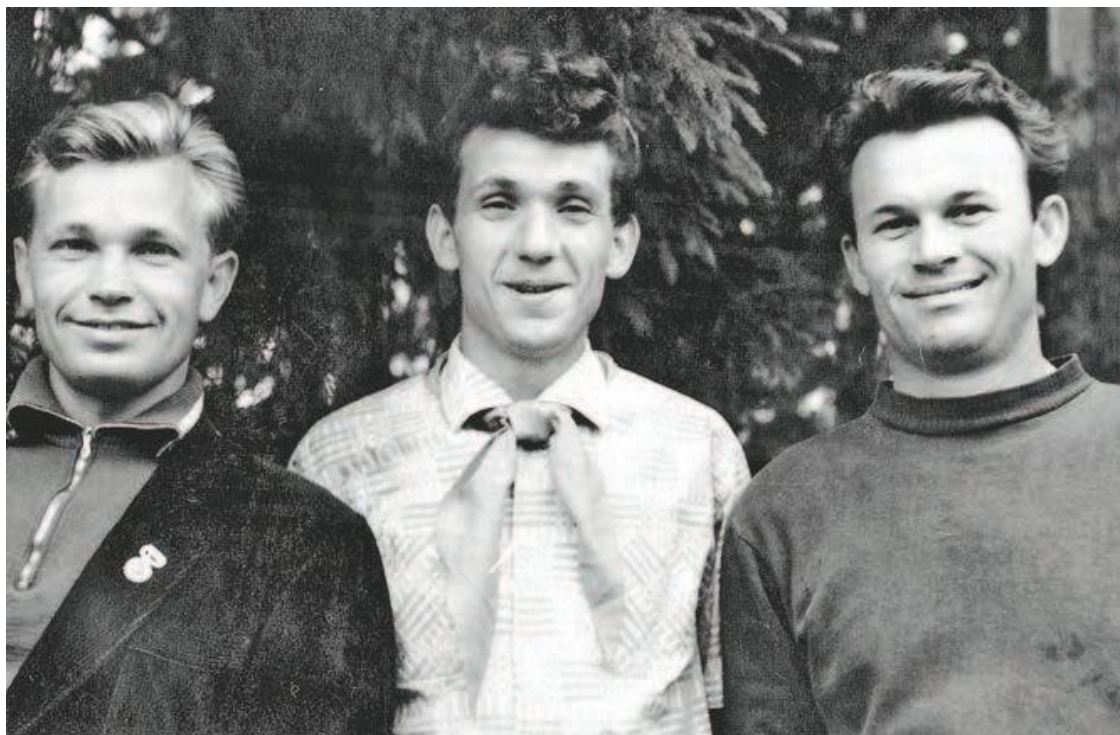
Горьковскую монолитность волжского характера уловил я и в рассказе невестки Михаила Константиновича, Галины Васильевны, которая поведала мне об одном случае, связанном с его мамой, Ириной Андреевной. Та была человеком глубоко верующим и, хотя никого в семье к религии не приучала (особенно если помнить, что сын ее занимал пост 2-го секретаря горкома ВЛКСМ), сама неукоснительно придерживалась православной обрядности. Галина Васильевна, забежавшая к ней как-то раз в перерыве городской комсомольской конференции на чай, застала Ирину Андреевну перед иконами и лампадой. Свекровь ее сосредоточенно молилась и на появление невестки практически не отреагировала. Галина Васильевна присела в уголочке на стул в ожидании конца молитвы, но время шло, Ирина Андреевна не отвлекалась. Так и пролетел весь перерыв в работе конференции местного комсомола, и, лишь когда настала пора Галине Васильевне бежать обратно, Ирина Андреевна завершила моление и предложила попить чаю. К слову сказать, отец Михаила Константиновича, сапожных дел мастер Константин Васильевич, в Бога не веровал, но крестным знаменем себя иногда осенял.

Внешняя суровость волжан компенсируется их глубокой сердечностью. Удивительно теплыми воспоминаниями поделилась со мной племянница Михаила Константиновича Ольга Васильевна Сидоренкова. Сейчас ей семьдесят лет, но один из дней ее далекого детства особенно ярко запечатлелся в ее памяти. Она помнит даже погоду тем утром. Начало сентября 1959 года в деревне Никулино, что в двадцати восьми километрах от Городца, выдалось полетнему солнечным. Ольга Васильевна подчеркнула именно эту солнечность всей обстановки. Быть может, ее впечатление связано с праздничными обстоятельствами того дня, но, скорее всего, погода стояла еще летняя. В никулинской малокомплектной школе в тот день принимали в октябрята учеников младших классов. Чтобы добраться из Городца до Никулино, надо было сесть в так называемое грузовое такси. Это был обычный бортовой грузовик с тентом, в кузове которого стояли скамейки. Вот на этом транспорте за небольшую плату желающие могли проехать восемнадцать километров до поворота на Никулино. Остальные десять километров по грунтовой дороге требовалось пройти пешком. Логистика для местных жителей по тем временам вполне привычная, однако требующая усилий. Поэтому в никулинской школе в

то солнечное утро никто не ждал представителей городецкой администрации. Но они появились. Причем не на горкомовском транспорте. Молодой секретарь горкома комсомола Михаил Треушников, прошагав от поворота с асфальта положенные десять километров, бодрый и освеженный прогулкой, успел к началу церемонии. Неизвестно, оказалось ли это сюрпризом для учителей и директора, но вот первокласснице Оле запомнилось на всю жизнь. Дядя Миша, веселый, красивый и улыбающийся, поздравил всех октябрят, раздал принесенные звездочки, а Оле прикрепил на фартук совершенно особый значок. Звездочка у нее была не металлическая, а из красного, похожего на леденец, пластика, и маленький кудрявый Ленин в центре выглядел как живой.

Слушая Ольгу Васильевну, я невольно припомнил, что и в моем детстве теплые пластмассовые звездочки с фотографией ценились гораздо выше металлических и холодных. Возможно, это было связано с их объемом. По сравнению с плоскими из металла они выглядели словно сделанные в 3D и даже как будто немного светились. Врученную дядей Мишей звездочку Ольга Васильевна хранила потом долгие годы.

Последующие приезды Михаила Константиновича из Москвы в Городец она вспоминает как большие семейные праздники. Все домашние непременно получали столичные подарки, после чего Треушниковы огромной компанией, включая родственников и друзей, ездили в лес и ходили на Волгу. Вечерами собирались пить чай и, конечно, пели хором. Приходил с баяном Валерий Георгиевич, звучала домра, и летел над закатной рекой замечательный вальс «Снова цветут каштаны». Пелись московские студенческие песни, протяжные украинские, а заканчивали, как правило, самой духоподъемной песней на все времена «Я люблю тебя, жизнь».

С друзьями. Городец. 1958 г.

К родственникам и вообще землякам Михаил Константинович всю жизнь относился с особенной теплотой. Его супруга Ольга Федоровна вспоминает, что в Москве к ним в квартиру могли позвонить совсем незнакомые люди, которые просились переночевать, ссылаясь на соседство в Городце, и Михаил Константинович всегда с готовностью принимал таких гостей. Им достаточно было сказать: «Здравствуйте, мы с вами с одной улицы».

Что же касается родни, то здесь он готов был просто расшибиться в лепешку. Его племянница Ольга Васильевна рассказывает, что он специально выделял из своего напряженного расписания целый день, когда она приезжала в столицу. Однажды примчался с дачи, чтобы встретить ее, в то время как вся его семья отдыхала за городом. Привез крупные астры, которые очень любил и самостоятельно выращивал для близких ему людей. В другой раз повез ее в недавно открывшийся музей Сергея Королева в Останкино, и тот день навсегда остался у нее в памяти.

Когда в возрасте сорока трех лет неизлечимо заболела ее мама, родная сестра Михаила Константиновича, врачи рекомендовали пить боржоми, но в Городец эту минеральную воду найти было невозможно. Ольга Васильевна вспоминает, как ее дядя скупал в Москве боржоми целыми сумками и через проводников отправлял на поезде в Горький (ныне Нижний Новгород). Делать это все приходилось ему самому – ни секретарей, ни автомобиля у него не было. Вскоре в Москве стало известно об экспериментальном препарате для страдающих онкологическими заболеваниями, и Михаил Константинович приложил все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы выйти на его разработчиков. Препарат еще не был запущен в производство, однако ему удалось убедить специалистов и получить у них заветное лекарство для своей сестры, за жизнь которой он боролся, даже когда надежды уже никакой не осталось. Ровно так же, по воспоминаниям Ольги Васильевны, вел он себя и по отношению к одной из своих однокурсниц. Уже перед самой своей смертью та попросила не оставить заботой ее сына, и Михаил Константинович хлопотал за него, где мог, присматривал, оказывал всяческую поддержку.

На свадьбу к племяннице Михаил Константинович приехал в Городец вместе с женой. Ольга Васильевна рассказывает, что он немедленно стал центром всего веселья – шутил, пел, танцевал буквально до упаду.

«Ноги до сих пор пляшут, – сказал он ей на прощание на следующий день. – А ты, Оленька, между тем вот что – заполучила мужичка, молодец. Теперь удержать старайся».

Житейская мудрость и глубокое понимание всего, что происходит с нами в жизни, делали его человеком светлым и потому всеми любимым.

«Вы знаете, – сказала мне в разговоре Ольга Васильевна, – я ведь никогда не видела его недовольным. Он ни на что не жаловался, все принимал как небожитель какой-то. Все заполнял собой. Стоило ему где-нибудь появиться, и вокруг становилось светло».

Характер Михаила Константиновича в ранние годы очень ярко отражается и в рассказе его родного брата Анатолия. Они приехали тогда на выходные на заводскую турбазу и наутро, в ожидании завтрака, сидели на крылечке своего корпуса. Время было раннее, голод уже подступал, и Михаил Константинович вынул из кармана куртки привезенного из дома сухого леща. Братья собрались разделить скромную трапезу, но тут к ним начали подходить соседи – такие же голодные товарищи и друзья. Михаила Треушникова с живым интересом обступили, и он стал отрывать каждому по кусочку. В какой-то момент Анатолий понял, что брат раздаст все. Протянув руку из-за чьей-то спины, он получил еще одну крохотную порцию. Когда все разошлись, у Михаила от рыбы не осталось даже головы. Анатолий вернул ему перехваченную добычу, старший Треушников посмотрел на него, улыбнулся и сказал: «Спасибо, брат». Вспоминая теперь об этом, Анатолий Константинович смеется и повторяет: «Делильщик!»

Турбазы в окрестностях Городца в то время вообще были важной частью жизни для горожан. Там отдыхали рабочие местных заводов, зимой проводились лыжные соревнования, от заводских администраций выделялся транспорт, когда планировался коллективный выезд на подледный лов. Человек рабочей профессии чувствовал себя уверенно и спокойно. Владимир Михайлович Треушников, сын Героя Социалистического Труда, рассказывал мне, что их дом располагался неподалеку от судоремонтно-механического завода, откуда рабочие после смены часто возвращались домой, не переодеваясь. Это диктовалось отнюдь не их торопливостью

или безразличием к внешнему виду. Люди просто гордились своим трудом и хотели, чтобы их принадлежность к нему была очевидной.

Вот из такого города, от таких людей и характеров Михаилу Треушникову предстояло уехать в Москву. Его брат Анатолий сказал мне, что занимавший тогда пост 1-го секретаря горкома ВЛКСМ Николай Миронович Белов собирался идти на повышение в горком партии, следовательно, Михаил Константинович мог занять его кресло, поэтому решение об отъезде, скорее всего, далось нелегко. «Ему все светило», – уверяет Анатолий Константинович. И тем не менее выбор был сделан. Иногда мы совершаем поступки, причина которых скрыта от окружающих или воспринимается ими как блажь. Умеренность и благоразумие, заключенные в максиме «От добра добра не ищут», наверняка уберегли многих от безрассудных порывов. Но кто скажет, сколько удивительных человеческих судеб они парализовали? Какие возможности оказались упущены? Какие горизонты не распахнулись для осторожных?

Абитуриенты из Городца штурмовали тогда в основном вузы соседнего Горького, и на этом фоне решение поступать на юридический факультет МГУ было сопоставимо, пожалуй, с попыткой записаться в отряд космонавтов. По тем временам событием в Городце становился приезд мотоцикла на соседнюю улицу. Посмотреть на такое диво сбегался целый квартал. А тут – легендарный университет. Поэтому в итоге гордился весь город. Исполнявшая в конце пятидесятых обязанности комсорга на строчевышивальной фабрике Валентина Савельевна даже полвека спустя при встрече с родней Михаила Константиновича всякий раз неизменно спрашивала: «Как там Миша?»

Потому что в один прекрасный день этот самый Миша, имея в реальной перспективе карьеру по партийной линии, сел в поезд и в одночасье сменил ее на то, что пока лишь угадывалось в тумане.

Москва. Развитие мелодии

Летом 1960-го, когда Михаил Треушников приехал в столицу, никто еще не видел фильма «Я шагаю по Москве». Данелия сдавал свою дебютную картину «Сережа», Шпаликов работал над сценарием «Заставы Ильича». Знаменитой песни в исполнении юного Никиты Михалкова на то время никто пока не слышал. Ее просто не существовало. Эту песню запоют по всей стране только через три года. Миллионы людей будут с упоением распевать: «А я иду, шагаю по Москве», и каждый из них, где бы он ни находился – в Иркутске, Воркуте или в Горьком, – всем сердцем почувствует, что шагает именно по Москве. По сияющим, распахнутым улицам, по площадям, залитым свежим ливнем, по тому самому древнему городу, который вечно молод и несет надежду на новую жизнь.

Осенью 2021-го я пришел в одну старую московскую квартиру на Малой Бронной, чтобы поговорить о студенческих годах Михаила Константиновича с инспектором его курса Екатериной Владимировной Ремизовой, и первое, что она мне о нем рассказала, удивительным образом совпало с еще не снятым на момент его приезда в Москву великим фильмом. Выйдя из Курского вокзала на улицу Чкалова, Треушников со своим чемоданчиком отправился в приемную комиссию МГУ через весь город пешком.

«Вот это вот запомните», – попросила меня Екатерина Владимировна.

И я запомнил.

«Наш пешеход», как назвала она прибывшего из Городца абитуриента, подал документы и заселился в общежитие на Стромынке. В старинных корпусах эпохи Петра Первого изначально располагалась полотняная фабрика, производившая парусину для российского флота, потом был приют для ветеранов-моряков, потом еще много чего, а вот теперь в этих пропитанных историей стенах переживали съехавшиеся со всей страны будущие студенты. От нынешней абитуры они отличались кардинально. Вчерашние школьники среди них практически отсутствовали. На юрфак требовался рабочий или армейский стаж, и это отрезало добрую часть амбициозной желторотой оравы. Лазейки, конечно, всегда отыскивались, и те, кто был пошустрей, уходил в выпускных классах в школы рабочей молодежи, чтобы параллельно подкопить стаж, однако основной поток состоял из настоящих серьезных людей. Михаил Константинович вспоминал, что с ним поступали шахтеры с Донбасса, монтажники-высотники со строительства высоковольтных ЛЭП, сотрудники уголовного розыска и даже бывший командир минного тральщика. В общем, крепкий народ. И тем не менее все эти повидавшие жизнь люди волновались перед экзаменами не меньше обычных выпускников. Впрочем, наверное, даже больше. За опытом практической жизни – трудовой и военной – они подзабыли, что такое сидеть за партой, писать сочинения, зубрить съезды РСДРП и правила спряжения глаголов. Командовать боевым кораблем некоторым из них было намного проще.

Не отставал от своих новых товарищей в этом отношении, разумеется, и «наш пешеход». Треволнения начались прямо с подачи документов. Золотых медалистов ранее освобождали от вступительных экзаменов, что, скорее всего, послужило одним из побудительных мотивов двинуться из Городца, поскольку педагогическое училище Михаил Треушников окончил с отличием. Однако в Москве его ожидал неприятный сюрприз – льготу по медалям именно в том году отменили. Сдавать надо было все на общих основаниях. Более того, в городецком дипломе не стояло отметки по иностранному языку. Он просто не входил там в учебную программу. Ни один факультет МГУ, кроме юрфака, абитуриентов с таким пробелом в 1960 году не принимал. Выбора у Треушникова практически не осталось. Таким, как он, по этой дисциплине автоматом ставили тройку, и уже на старте они оказывались в крайне невыгодной позиции догоняющих. Чтобы набрать проходной балл, от них требовались только отличные оценки по остальным предметам.

Здесь надо пояснить, почему юридический факультет МГУ пошел тогда на столь необычные меры. Дело заключалось в неизбежно приближающемся коммунизме. В ожидании этого светлого события великий магистр дополненной реальности Никита Хрущев «прозорливо» считал, что при новом общественном строе, наступление которого намечалось в ближайшие двадцать лет, профессия юриста себя изживет. Действительно, кому нужны крючкотворы и законники, когда отомрет само государство? Как именно это произойдет, всем, естественно, было невдомек, однако конкурс на юрфак заметно упал. К тому же в тренде в те времена уверенно держались «физики и лирики». Откликаясь на этот дискурс, Михаил Ромм уже обдумывал план своего интеллектуального блокбастера «Девять дней одного года». До премьеры оставалось чуть более полутора лет. А Марлен Хуциев через два года снимет в Политехническом тот самый культовый поэтический вечер с Евтушенко, Ахмадулиной, Окуджавой, Вознесенским, Рождественским и другими. Напряжение того, что сейчас называется модой, клубилось в тогдашней Москве исключительно вокруг этих полубогов и богинь. Суперзвездами также являлись геологи. Этим разрешалось почти все. Михаил Константинович вспоминал, как вернувшиеся с полевой практики бородатые студенты геофака возлежали на своих рюкзаках в главном здании МГУ и распевали под гитары мужественные и прекрасные песни о нелегкой жизни в тайге. Юристы на этом фоне в плане популярности, разумеется, сильно проигрывали. Ко всему прочему, необходимый рабочий стаж для поступления в том году увеличили с двух до трех лет, что привело к сокращению количества поступающих. Все эти факторы вынудили руководство юрфака пойти на определенные послабления в процедуре приема абитуриентов. Но в итоге даже автоматическая тройка по иностранному языку не компенсировала проблему недобора. Екатерине Владимировне Ремизовой, занимавшей в 1960 году пост ответственного секретаря приемной комиссии на юридическом факультете, пришлось отправиться к своим коллегам на филфак и философский факультет, чтобы забрать у них тех нескольких человек, кому не хватило одного или двух баллов. Вот так странно и прихотливо порой работает общественное сознание, выводя вдруг на передний план те или иные феномены и ставя под угрозу другие – не менее важные, но с точки зрения моды теряющие свою актуальность. В общем, стихи – стихами и синхрофазотроны – чернобылями, а у памятника Ломоносову на Моховой летом шестидесятого все же толпились будущие юристы. Нервничали, надеялись, ожидали результаты экзаменов и не подозревали, что на их плечи уже легла ответственность за то, чтобы в последней трети двадцатого века юридическая наука в нашей стране не обратилась в профанацию, а сферу законодательства и исполнения законов не захлестнул губительный для всякого гражданского общества хаос. В котором уже ни до поэзии, ни до ядерной физики никому нет никакого дела.

Вся эта картина с ее политической, социальной и даже мифологической подоплекой понятна нам в ее целостности только сейчас – в нашем распоряжении массивы застывшей информации. Современник же оперирует информацией кипящей, живой и зачастую формируемой сверху с учетом необходимости создания дополненной реальности. Оттого восприятие и понимание действительности у него строго ограничено личным горизонтом. К примеру, на мой вопрос об отношении тогдашней молодежи к развитию Карибского кризиса, вполне способного привести планету к ядерному апокалипсису, однокурсник Михаила Константиновича по юрфаку МГУ Евгений Александрович Абрамов ответил, что в Советском Союзе на тот момент эти события в общественном поле не акцентировались. То есть людям была предоставлена возможность не знать о потенциальном конце света. Что уж тут говорить о ситуации, сложившейся вокруг простого, мирного поступления в университет.

Поэтому летом 1960-го у памятника Ломоносову молодой нетерпеливый народ волновался исключительно за свои знания и отметки. На прибывшего из тихого патриархального Городца Михаила Треушникова остальные абитуриенты произвели впечатление международных светил. Все знали всё, обо всем и даже чуть больше. Вспоминая эти спонтанные «кон-

грессы» гордых интеллектуалов, Михаил Константинович в разговоре со мной улыбался, качал головой и признавался, что был готов к поражению.

«Не сдам», – решил он тогда и отправился на первый экзамен.

В силу объяснимой человеческой привязанности к линии собственного горизонта он просто не учел факта обычной бравады и того, что все эти записные умники приехали из таких же тихих и патриархальных мест. Москвичей, с их доступом к репетиторам и крупным библиотекам, среди абитуриентов было не более десяти процентов.

В итоге на первом же экзамене, на сочинении, срезалась добрая половина. Барьер грамотности оказался многим не по зубам. Требования по рабочему стажу сыграли с поступающими злую шутку. Школьные правила русского языка в угольных забоях и у станков основательно подзабылись. А вот выпускнику педагогического училища знания и навыки в области русской грамматики, полученные в Городце,годились в полной мере. К тому же сочинение он писал по роману Горького «Мать». Исконному волжанину опростоволоситься по такой теме было бы крайне неловко. Далее всем пришлось вспоминать письмо Татьяны к Онегину, обломовскую лень и хамство Базарова для устного экзамена по литературе. Во всех этих вопросах Михаил Треушников, разумеется, тоже оказался на высоте. Николай Михайлович Галочкин и Татьяна Сергеевна Янгаева в Городецком педучилище в сфере словесности оснащали своих студентов самым основательным образом. Ну и, конечно, уроки по истории от Дмитрия Яковлевича Хлебникова и его супруги Людмилы Геннадьевны не пропали даром. Восстание Пугачева на последнем своем вступительном экзамене наш абитуриент расщелкал как семечки, получив очередную и абсолютно необходимую с учетом автоматического тройка по иностранному языку пятерку.

Нелишним здесь будет отметить, как странно, непредсказуемо и порой затейливо складываются пазлы обстоятельств, когда человек абсолютно уверен в том, что у него всё под контролем. Приехавший из Владимирской области будущий однокурсник Михаила Треушникова Виктор Чернышев был отлично подготовлен к экзамену по немецкому языку. Находясь в этом отношении в гораздо более выигрышной позиции, он спокойно отправился на финальный экзамен и справедливо рассчитывал на дополнительные баллы. Однако жизнь всегда распоряжается по-своему. Рядом с ним сел его новый приятель, с которым он успел сдружиться в общении. Приятель, несмотря на оценку в аттестате, немецким владел не очень, а вот напором обладал завидным. На правах закадычного, пусть и не очень давнего друга он потребовал от соседа помощи, и тот не в силах был отказать. Забота о мнении окружающих чаще всего обходится нам слишком дорого. Цена приобретаемого товара явно завышена. Эта сделка носит, как правило, все признаки кабальной, и юристам давно пора включить ее в 179-ю статью Гражданского кодекса РФ, но юноши, к сожалению, всегда велись, ведутся и, очевидно, будут вестись на подобные «товарищеские» разводы. Испытывать неловкость даже перед условным другом для них мучительнее, чем терпеть последствия своего согласия. Вместо того чтобы заниматься собственным экзаменационным заданием, Чернышев приступил к переводу текста для предпримчивого соседа. Экзаменатор заметила нелегитимную транзакцию, и Виктор немедленно был вызван к столу. В свой текст он, разумеется, не успел заглянуть даже одним глазом, поэтому переводить ему пришлось прямо с листа. Удовлетворенная его недюжинной подготовкой преподавательница в конце концов поставила обоим заговорщикам удовлетворительные оценки, уравнивая таким образом отсутствие иностранного языка в аттестате у Михаила Треушникова с отличными знаниями Виктора Чернышева и нагловатостью его соседа. Три совершенно разных феномена – итог один. Так и хочется сказать, что все дороги ведут в Рим, но тут речь скорее о тщете наших раскладов и усилий перед лицом ироничной работы providения.

Однако тогда, летом 1960-го, ни о каком фатализме и уж тем более о покорности судьбе никому в голову мысли не приходили. Московский государственный университет с его Главным зданием на Ленинских горах несомненно воспринимался всеми этими ребятами как сим-

вол наступившего будущего. Абсолютная симметрия самого высокого сталинского небоскреба красноречиво говорила им о торжестве воли и значимости труда. Если человек во всей его слабости и несовершенстве сумел общими усилиями возвести такую величественную гармонию, то ему действительно многое по плечу. Думается, это не просто вселяло надежду в тех юношей и девушек. Уверен – это давало им крылья.

В романе советского писателя Валерия Осипова «Факультет журналистики», посвященном годам обучения автора в МГУ примерно в то самое время, когда Михаил Треушников поступил на юрфак, это самое чувство окрыленности актуализировано в конкретном персонаже. Юноша по имени Курдюм в книге Осипова несет на себе явные черты отечественного Гарри Поттера конца пятидесятих годов. Он чудесным образом одарен, ему все дается легко – в двадцать лет он уже доктор наук и почетный академик «какого-то старинного европейского университета». Он мимоходом изумляет умудренных ученых мужей, собравшихся наказать его за пристрастие к азартным играм, доказав им математически, что алгоритм «подкидного дурака» может послужить основой расчета орбит для космических полетов. Он, по сути, – волшебник, реализовавший основную советскую максиму «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», и так уж сложилось, что МГУ в этой парадигме преображения волшебства в реальность играл в пятидесятые-шестидесятые годы двадцатого века для современников ровно ту же сакральную роль, которую Джоан Роулинг много позже отвела в своей вселенной чародейскому Хогвартсу.

Однако главным элементом в мире любого волшебства остаются, конечно, люди. Являясь одновременно субъектом и объектом чуда, человек мыслящий преобразует и в то же время преобразуется. Этот дуализм дает ему универсальную возможность самому становиться средой – наравне со всей остальной природой. Влиять на формирование и в то же время самому формироваться под внешним влиянием. Разумеется, в МГУ Михаил Треушников нашел среду, совершенно не похожую на ту, что он оставил в Городце. Окружившие его в Москве люди активно взаимодействовали с теми участками его души, о существовании которых ранее он, возможно, только догадывался.

Всякий новый набор людей, появляющийся в нашей жизни, меняет нас кардинально. Он живет и функционирует по необычным для нас правилам. Структура его и направление не сразу становятся нам понятны, однако определяются они практически всегда энергией лидера. Ректором МГУ в то время являлся академик Иван Георгиевич Петровский. Живая легенда университета, он пришел на этот пост в самый разгар строительства Главного здания в 1951 году. Помимо ярчайших достижений в математике и педагогике, во время Великой Отечественной войны Иван Георгиевич проявил недюжинные организаторские способности, руководя переездом МГУ в Ташкент, затем в Ашхабад, Свердловск и позже, в мае 1943-го, обратно в Москву. Административный опыт оказался очень кстати на этапе завершения грандиозной стройки. Далеко не всякий ученый способен совмещать в себе научные, лекторские и деловые качества. Тут требуется особый личностный масштаб. При этом академик Петровский сохранял все душевные свойства доброго, талантливого и остроумного человека. Известны его афористичные высказывания: «На административную работу можно назначать лишь того, кто ее ненавидит» или «Администратор не может принести пользы! Задача хорошего администратора – минимизировать вред, который он наносит». Эти формулировки показывают, что в умении мыслить ярко и нестандартно Иван Георгиевич не уступал Оскару Уайльду или Уинстону Черчиллю.

Любопытным и, как мне кажется, важным воспоминанием об академике Петровском поделился и Михаил Константинович. У кабинета ректора на десятом этаже Главного здания в шестидесятые годы находился пост ночного дежурного. На эту должность устроился один из однокурсников Треушникова Володя Вавилов. Вечерами новоиспеченный дежурный являлся

на свое рабочее место, и каждый раз, когда ректор уходил домой, он выносил студенту стакан чая. Этот же ритуал неизменно повторялся и утром.

Кресло декана юридического факультета в начале шестидесятых занимал Дмитрий Степанович Карев. Крупный специалист по уголовному и международному праву, юность свою он посвятил авиации. Отучившись в середине двадцатых годов в Высшей военно-воздухоплавательной школе, получил специальность наблюдателя-корректировщика артиллерийской стрельбы с воздуха. Потом было заочное изучение юриспруденции в Иркутском университете, перевод в Московский индустриально-педагогический институт и завершение высшего образования в Московском институте советского права. До начала Великой Отечественной успел защитить кандидатскую диссертацию, а после победы над фашизмом участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника главного обвинителя от СССР. На этом историческом процессе против бывших руководителей нацистской Германии Дмитрий Степанович отвечал за документальную часть обвинения, докладывая на судебном заседании порядок представления доказательств и представляя дополнительные доказательства о преступлениях гестапо. После завершения процессов в Нюрнберге начал свою работу в МГУ, защитив в 1951 году докторскую диссертацию на тему «Военные суды и военная прокуратура».

В 1956-м, когда Карев стал деканом юрфака, эта должность предполагала уже только академическую и административную сферы деятельности, тогда как при Сталине она, судя по всему, рассматривалась и как политическая – со всеми вытекающими последствиями. Шесть довоенных деканов юридического факультета, занимавших эту должность в разные годы первой половины двадцатого века, были репрессированы. Приведу скорбный список целиком:

1. Павел Васильевич Гидулянов – расстрелян в 1937-м;
2. Яков Леонтьевич Берман – расстрелян в 1937-м;
3. Николай Иванович Челяпов – расстрелян в 1938-м;
4. Михаил Ефимович Климов – расстрелян в 1938-м;
5. Александр Маркович Винавер – приговорен к 8 годам лишения свободы в 1940-м;
6. Александр Григорьевич Гойхбарг – арестован в 1947-м, признан невменяемым, отправлен на принудительное лечение в Казанскую тюремную психиатрическую больницу.

Излишне, наверное, говорить, что обвинения всем этим юристам и ученым предъявлялись отнюдь не по уголовным делам.

У всякого Хогвартса – свои темные страницы. Разумеется, всегда можно их заклеить. Но не станет ли это тогда частью той самой дополненной реальности? Умолчание ведь та же самая ложь.

Профессура и весь остальной преподавательский состав юридического факультета МГУ на 1960 год состояли в основном из представителей двух исторически сложившихся поколений. К первой группе относились крупные специалисты и светила юриспруденции начала века, имевшие в том числе и дореволюционный опыт в розыске и судебной практике. Вторая группа сложилась из юристов, прошедших тяжелые испытания на фронтах Великой Отечественной войны. Эти два поколения различались не только возрастом, но и физически. По воспоминаниям студентов тех лет, чем моложе был преподаватель, тем больше ему не хватало конечностей. Кому-то руки, кому-то ноги. В зависимости от полученных ранений и перенесенных ампутаций.

Рассказывая мне о старожилах юрфака, инспектор курса 1960 года Екатерина Владимировна Ремизова назвала их «либералами». Она совершенно не имела в виду их политические взгляды. Это определение она использовала в его классическом и почти забытом теперь чеховском понимании человека интеллигентного, принципиального и отзывчивого – носителя старой культуры. Такого примерно, как булгаковский профессор Преображенский в исполне-

нии Евгения Евстигнеева. Оказывается, в шестидесятые годы еще можно было встретить этих людей. Тех, кого даже в двадцатые называли «старорежимными спецами».

Профессор Иван Николаевич Якимов, которого Михаил Треушников хоть и не успел застать на факультете, но добрая память о котором была еще очень свежа, получил юридическое образование до Октябрьской революции. Работал в окружном суде в Санкт-Петербурге и позже – помощником присяжного поверенного в Варшаве. Польша тогда являлась частью Российской империи. В период Гражданской войны Якимов состоял в должности «военспеца» в рядах РККА, а начиная с 1924 года являлся сотрудником легендарного МУРа (Московский уголовный розыск). На оперативной работе он провел более десяти лет, после чего посвятил себя чтению лекций по криминалистике в Московском юридическом институте. После войны защитил докторскую диссертацию и возглавил кафедру криминалистики юрфака МГУ. О нем Екатерина Владимировна отзывалась с особенным уважением.

Важнейшую роль в профессиональной деятельности и выборе академического пути Михаила Треушникова сыграл профессор Александр Филиппович Клейнман. Потомственный правовед, он, как и профессор Якимов, родился в девятнадцатом веке. Юридический факультет окончил в Императорском Новороссийском университете в Одессе. Затем работал адвокатом в Иркутске, преподавая там же в университете, а с 1938 года приступил к лекциям и семинарским занятиям на кафедре гражданского процесса в Московском юридическом институте. В МГУ Александр Филиппович начал свою научную и педагогическую деятельность в 1944 году. Вся его дальнейшая жизнь была посвящена науке гражданского процессуального права, в области которой он стал в итоге одной из основополагающих фигур. Под его непосредственным руководством разрабатывался второй Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, действовавший с 1964 по 2002 год. Знаменателен тот факт, что работу над третьим ГПК Российской Федерации на рубеже двадцать первого века возглавил вместе с профессором Университета дружбы народов Василием Клементьевичем Пучинским ученик Александра Филипповича – Михаил Константинович Треушников.

В этой прямой и твердой преемственности мне видится решение одной из самых глубоких проблем общества, обозначенной еще Шекспиром. Требуя от своего друга Горацио клятву хранить тайну призрака, поведавшего о предательстве брата, датский принц Гамлет восклицает: «Порвалась цепь времен» (перевод К. Р.). Устами своего героя Шекспир актуализирует драму антагонизма генераций и невозможности их взаимодействия.

«Каждый из нас зажат между поколениями, – сказала в разговоре со мной Екатерина Владимировна Ремизова. – И мы не успеваем передавать». Однако пример очевидной преемственности, продемонстрированной на протяжении долгих лет трудами двух выдающихся ученых, говорит нам о том, что надежда все-таки остается.

Среди сорока пяти учебных дисциплин, преподаваемых в шестидесятые годы на юрфаке, наибольшую трудность для Михаила Треушникова, по его собственному признанию, представлял иностранный язык. Студентов разделили по группам в соответствии с тем, какой язык они изучали до этого, а тех, кто не изучал никакой, автоматически записали в английскую группу. Вот с ними, не знавшими даже латинского алфавита и элементарных правил произношения, пришел заниматься преподаватель кафедры английского языка филологического факультета МГУ Евгений Александрович Бонди. Для меня, как выпускника и впоследствии доцента кафедры английской филологии Якутского госуниверситета, это имя является абсолютной легендой, поэтому я был тронут, когда Михаил Константинович, вспоминая своих университетских наставников, заговорил вдруг именно о нем. Не знаю, читали в этой группе Шекспира в подлиннике или нет, но Евгений Александрович явно оставил по себе хорошую память. Очевидно, он производил впечатление – Михаил Константинович прежде всего отметил его особенную подтянутость. Элегантные манеры у коренного сибиряка, родившегося в 1923 году в Томске, возникли отнюдь не из воздуха. Стажировки в Эдинбургском и Оксфордском уни-

верситетах не прошли бесследно. Однако до командировок в Шотландию и Англию в жизни Евгения Александровича были совсем другие дороги. В рядах Красной армии во время войны он с боями дошел до Польши, получив награды, никак не связанные с владением иностранными языками. Орден Отечественной войны, как и орден Красной Звезды вручались на фронте за настоящие подвиги. Имелась среди боевых наград у Евгения Александровича и медаль «За отвагу», которую фронтовики ценили особо. Она вручалась только за личную храбрость, проявленную в бою. Штрафники, лишённые предыдущих наград и званий, как правило, представлялись за свои отчаянные действия именно к этой медали, а потому уважением у народа она пользовалась, возможно, даже более глубоким, чем ордена. Так что подмеченные Михаилом Константиновичем собранность и чувство собственного достоинства у его преподавателя по английскому языку опирались, скорее всего, не на одни лишь британские традиции. Уникальная эпоха создавала уникальных людей.

Слушая однокурсников профессора Треушникова, особенно в той части, где они вспоминали своих учителей, я не мог избавиться от ощущения, что они рассказывают мне о людях из книг – вот в том самом смысле, в каком это происходило в детстве. Ты открываешь старую книгу, и с ее страниц в твою жизнь входят Герои. Люди больших поступков, крупных событий, сложнейших испытаний и великих побед. Исключение состоит лишь в том, что в моих детских книгах эти Герои зачастую были придуманы писателями, тогда как студенты 1960-го рассказывали о тех, кто реально жил. Геннадий Ильич Соломаха, поступивший на юрфак в один год с Михаилом Треушниковым и по окончании МГУ проработавший с ним вместе несколько лет в Москворецком суде, на мой вопрос об университетской профессуре той поры первым делом вспомнил Петра Николаевича Галанзу, который преподавал у них на первом курсе всеобщую историю, а чуть позже – историю политических учений. Показательно, что вторую дисциплину назвал в качестве одной из основных мотиваций для обучения на юрфаке и Евгений Александрович Абрамов, занимавший впоследствии самые высокие посты в Министерстве внутренних дел Российской Федерации. Помнится, я спросил его о карьерных устремлениях студенчества шестидесятых, и он, рассмеявшись, ответил, что ничего подобного у них в головах не было, а учеба на юридическом увлекала уже самой возможностью и процессом познания. Дисциплину «история политических и правовых учений» он привел как наглядный пример своего собственного вовлечения в этот процесс. Преподававший ее Петр Николаевич Галанза на самом деле прожил жизнь, состоявшую из событий, которые для моего поколения были, вне всякого сомнения, легендарными. Окончив историко-филологический факультет Московского университета в переломном для России 1917 году, он принял сторону революции. В двадцатипятилетнем возрасте предвосхитил стихи Михаила Светлова о Гренаде и вступил в Красную армию.

*Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.*

Это сейчас строки 1926 года могут кому-то показаться абстрактной и наивной архаикой, но для меня и многих моих ровесников в семидесятые годы их наполнял очень конкретный смысл. Зачитываясь романом Николая Островского «Как закалялась сталь», я летел вместе с Павкой Корчагиным в конной лаве, строил узкоколейку, бился за правду, и все это делало из меня человека. Евгений Александрович Абрамов на мой вопрос о значимости Гражданской войны для их поколения ответил сдержанно и просто: «Это было важно».

Булат Окуджава в 1957-м написал свой скромный шедевр «Сентиментальный марш», завершающийся такими словами:

*Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,
Какое б новое сражение ни покачнуло шар земной,
Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной.*

Достаточно посмотреть в «Заставе Ильича» на лица тех, кто затаив дыхание слушает в 1962-м Окуджаву с этой песней в Политехническом, чтобы простые слова Абрамова задышали глубочайшими историческими смыслами. Это действительно было важно для миллионов людей.

Вот одним из тех самых комиссаров, о которых поет Окуджава, и стал в начале двадцатых Петр Галанза. Службу нес в политуправлении Западного фронта, ставшего в 1920 году главным фронтом Советской Республики и отразившего крайне опасное наступление польских войск. Штаб фронта в разное время находился в Смоленске и Минске, что очевидно повлияло на жизненную географию Петра Николаевича. Сразу по окончании боевых действий, в 1923 году, он становится доцентом Смоленского государственного университета, а после преподавательской работы в Казани, где он некоторое время занимал пост ректора, Галанза в течение десяти лет руководит одной из кафедр Белорусского госуниверситета. На юрфак МГУ он пришел работать в 1945 году. Написал первые советские учебники по всеобщей истории государства и права. Пользовался уважением и, очевидно, любовью студентов. Геннадий Ильич Соломахин рассказал, что во время занятий на их первом курсе Галанза обещал им суровое испытание во время сессии. Однако в действительности экзамен принимал очень мягко, и ответ по билету напоминал скорее беседу. Петр Николаевич в такие минуты любил пить чай из граненого стакана в подстаканнике и листать утренние газеты.

Завершая краткий и, разумеется, далеко не полный обзор профессуры юридического факультета МГУ, сложившейся на тот момент, когда Михаил Треушников поступил в университет, необходимо вспомнить и Сергея Сергеевича Остроумова. Причин тому множество, но самая главная, пожалуй, та, что, отвечая на мой вопрос о преподавательском составе факультета начала шестидесятых годов, большинство однокурсников Михаила Константиновича, с которыми мне посчастливилось встретиться, первым делом называли именно этого профессора. Читая лекции по скучнейшему, казалось бы, предмету «судебная статистика», он делал это, по общему признанию, самым артистическим образом. Великолепные данные прирожденного оратора, очевидно, играли свою немаловажную роль, однако подозреваю, что дело заключалось не только в них. Сама дисциплина, несмотря на ее подчеркнутую прозаичность и даже бухгалтерскую сухость, судя по всему, увлекала профессора Остроумова тем исторически сложившимся политическим напряжением, которое возникло вокруг нее начиная с тридцатых годов. До этого периода все количественно-качественные показатели преступности в нашей стране были открыты для общества, а вот сборник «Статистика осужденных в РСФСР 1922–1934 гг.» вышел из печати уже с грифом «Секретно». Идеологи строительства нового общества сочли картину текущей преступности неуместной для отражения облика самого светлого и самого прогрессивного на планете государства. Неудобные цифры разрушали создаваемую концепцию преступления как отживающего свой век и не имеющего системного характера пережитка мрачного прошлого. Под раздачу попала и важная социологически-правовая научная дисциплина криминология. Эта наука изучает причины и условия преступности, а также пути и средства ее предупреждения. Светлые умы и энтузиасты тридцатых решили, что раз преступности в качестве системного явления в СССР больше не существует, то и предупреждать уже, к счастью, нечего. Повсюду царит конструктивный и ясный дух с полотен художника Дейнеки (который в 1933 году, кстати, все же написал идеологически не совсем выдержанную картину «За занавеской», ушедшую в 2015 году на лондонском аукционе MacDougall's за 2

миллиона 248 тысяч фунтов). Абсолютно гоголевская ситуация вокруг судебной статистики и криминологии в Советском Союзе середины двадцатого века напоминает мне фрагмент книги «Русская республика» историка Н. И. Костомарова, где он описывает специфику противопожарной профилактики в средневековом Новгороде: «Не видно, чтоб новгородцы принимали какие-нибудь меры предупреждения. Пожары считались Божиим наказанием, и против них можно было защищаться молитвою. В 1342 году владыка со игумены и попы замыслил пост; и ходило духовенство по монастырям и церквам с крестами; и весь Новгород молился Богу и пресвятой Богородице, дабы отвратить от себя праведный гнев небесный».

Шутки шутками, но судебная статистика в СССР была засекречена на протяжении почти шестидесяти лет, а криминология считалась чем-то вроде лженауки. Обнародование сведений о преступности и судимости признавалось разглашением государственной тайны. Полагаю, требовалась немалая гражданская смелость и сила характера, чтобы в таких условиях ратовать за изменение подобного положения вещей. Профессор Остроумов и его молодая коллега по юрфаку Нинель Федоровна Кузнецова оказались одними из первых в стране ученых-юристов, которые вдохновились идеями профессора Алексея Адольфовича Герцензона и в шестидесятые годы сделали начальные важнейшие шаги в этом направлении. В 1964 году Сергей Сергеевич впервые прочитал пробный курс лекций по криминологии на вечернем отделении, а вскоре в этой инициативе юридического факультета МГУ к нему присоединилась и Нинель Федоровна. В 1965 году, как вспоминает Геннадий Ильич Соломаха, вышло постановление ЦК КПСС о преподавании криминологии в высших учебных заведениях. Анализ социальных причин преступления, а также особенностей личности преступника и его окружения перестал считаться профанацией.

Вот какими людьми, вкратце, были наставники и учителя Михаила Константиновича Треушникова и всех его однокурсников в период обучения в Московском государственном университете. «Величайшие ученые», – сказал мне о них Евгений Александрович Абрамов. А я не могу не вспомнить еще и строки поэта Николая Тихонова: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей».

Переходя к разговору об университетской молодежи того времени, а также о специфической атмосфере, которая царила в ее среде, стоит, пожалуй, вновь обратиться к роману советского писателя Валерия Осипова «Факультет журналистики». Мне кажется, ему удалось ухватить особенный дух, присущий тому поколению молодых людей. Вообще, мировоззренческие маркеры каждой генерации настолько неповторимы, интенсивны и так сильно въедаются в самую ее суть, что диалог с любым другим поколением ведется на слегка иностранном языке. В этом смысле на планете всякий раз живет как будто новая волна пришельцев, не понятных ни своим ближайшим предшественникам, ни тем, кто придет на смену.

В книге Осипова описано крайне любопытное явление в университетской среде. Не могу сказать: придумал он его или взял из реальной жизни, но для меня оно служит камертоном умонастроений советской молодежи пятидесятых-шестидесятых годов. Причем не тех, что формировались на системном уровне государственным идеологическим аппаратом, а тех, которые складываются сами собой внутри каждого поколения и, собственно, определяют его подлинное, а не навязываемое диктатом допреальности лицо. «Хива» – так называет Валерий Осипов странное и очень творческое объединение студентов и преподавателей МГУ, функционирующее в качестве независимого социального организма. Никакой связи со столицей древнего Хорезма, естественно, не прослеживается, кроме разве что намека на мощную витальность древних тюрков, и это отсутствие формальной логики даже в названии самого явления подчеркивает своеобразную анархичность его природы.

Участники этой стихийно возникшей организации собираются по вечерам на кафедре физкультуры, чтобы сыграть в баскетбол. Каждый из них по той или иной причине был в свое время отвергнут тренерами официальной команды МГУ, но желание играть и, главное, быть

причастным к тому, что рассматривается в обществе как очевидное слагаемое успеха, приводит к странной форме протеста. «Хива», напоминая скорее орду, гоняет мяч по площадке, не особенно обращая внимание на правила, хронометраж и даже количество участников. Счет ведется на сотни очков, игра длится часами, самое важное – приняты все. Кульминация происходит, когда эта разношерстная толпа бросает вызов игрокам из сборной университета. Вот тут происходит самое важное. Воодушевленная только верой в себя и в неизбежное чудо, «Хива» сражается с настоящими спортсменами практически на равных, а центральный персонаж книги, не обладая навыками игры в баскетбол, становится героем матча. У него получается на площадке буквально все.

Идея торжества дилетантов, одномоментно превратившихся в гениев, как мне кажется, и служит структурообразующей для понимания духа того времени. Это был тот самый прекрасный дилетантизм, который в эпоху Ренессанса позволил человеку разомкнуть границы наук и прочих аспектов деятельности, входя на территории далеко не смежных занятий. Инженеры писали картины, живописцы изобретали летательные аппараты, крупные политики сочиняли пьесы, ставшие классикой на века. Все могли делать всё. Человек оказался всемогущим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.